

3.1. Зачем власти нужна пропаганда

Дилемма современного общества

Можно было бы просто сказать, что пропаганда нужна властям для вовлечения масс в политическую жизнь. Даже не будем говорить о демократии, так как это — всего лишь один из аспектов проблемы. Но следует различать: есть просто присутствие масс, а есть конкретное участие. В стране, где плотность населения мала, где очаги человеческих поселений разбросаны по территории вдали друг от друга, политическая жизнь, конечно, есть, но она — удел немногих групп, практически не связанных с жителями, которые в пространстве отдалены от принятия решений и от политической жизни, в таких странах и не формируется общественное мнение. Близкое расположение властей и населения в пространстве — очень важный фактор. Тиберий и Перикл, равно как Людовик XIV и Наполеон это знали, поэтому предпочитали жить вдали от народа и управлять государством в тишине и покое, понимая, что простой люд, даже не сознавая этого, но только благодаря близкому соседству, влияет на принятие решений. Когда народ рядом, политический сговор между королями или тайная дипломатия уже не так просто осуществимы, просто потому, что война престолов легко перетекает в массы, заражая их воинственным настроением. Присутствие масс стесняет политика, когда ему в той или иной степени необходимо вести тайную игру (просто невозможно себе представить, что политик может согласиться играть в открытую), то у него нет никакой возможности спрятаться от людей, у него нет «башни из слоновой кости», чтобы там спрятаться, он повсюду встречает толпы народа, которые следят за каждым его поступком. Все это — следствие возросшей плотности населения, политик везде встречается с народом, вследствие развития транспорта ему не спрятаться нигде, причем сельское население уже в такой же доступности, как и городские. Власть повсюду в контакте с народом, эти отношения Масс со своими правителями стали неотъемлемой частью политики. Люди знают своих руководителей в лицо благодаря прессе, телевидению и кино. Глава государства и прочие руководители, хотят ли они этого или нет, но должны общаться с народом. Простые люди так или иначе в курсе многих политических событий. Взаимодействие правящих кругов и народа происходит не потому, что так предписано правилами демократии, дабы привлечь Массы к управлению государством, а в силу демографических причин, из-за увеличения плотности населения. Но если руководитель государства хочет вести свою игру в одиночестве, если у него есть, что скрывать от народа, он может воспользоваться только одним средством: подсунуть массам обманку. Он не может скрыться от Масс, но может натянуть между собой и Массами невидимый экран и проецировать на него придуманное изображение, а настоящую политику

вести за этим экраном. Вне этой ситуации можно смело говорить о том, что правительство действует под контролем народа. Здесь я не предполагаю юридический контроль, просто имеет место тот факт, что люди интересуются политикой, обсуждают решения правительств, стараются быть в курсе политических новостей, что они готовы высказать свое мнение, на что имеют полное право и делают это, как умеют. В конце концов, что плохого в том, что Массы интересуются политикой? Кстати, это все еще представляет новое явление в обществе. Даже если люди не читают газеты от корки до корки, им все равно неприятно, когда они замечают цензуру, они готовы устроить скандал, если вдруг станет известно, что правительство что-то скрывает, или если им кажется, что их недостаточно информируют. Массы уже научились выносить политическое суждение, благодаря воспитанию в демократическом духе они привыкли, что с ними консультируются по каким-то важным вопросам относительно внутренней политики, им уже кажется нормальным получать разностороннюю информацию, возможно, это всего лишь привычка, но уже настолько укоренившаяся, что с этим уже ничего нельзя поделать, любая попытка ограничить народ в доступе к информации ведет к фрустрации и порождает чувство несправедливости. Народ интересуется политикой, кто-то поверхностно, кто-то всерьез, по-разному, но факт остается фактом. Кстати, есть простое и понятное объяснение, почему эта тема стала всем вдруг так интересна: дело в том, что именно в наши дни политические решения стали затрагивать все население. В историческое время, если шла война, это касалось лишь небольшого количества солдат и фрагмента территории, где шли военные действия. А в наши дни все нация — солдаты, все страны втянуты в конфликт, всех это касается. Все теперь хотят высказать свое мнение по поводу обострения отношений, если они могут закончиться войной. То же касается и экономики: налоги с XVII практически везде выросли раз в десять (по крайней мере), налогоплательщик требует контроля над расходами правительства, все больших жертв требует и политика, поэтому каждому хочется принять участие в этой игре. Раз уж решения правительства могут меня коснуться, я хочу иметь возможность повлиять на эти решения. Поэтому власть предрержащие уже не могут игнорировать позицию масс, не могут держать народ в неведении, не могут принимать решения, не считаясь с его мнением. Вопрос, насколько это возможно. Считается нормальным явление, которое в народе принято называть «господствующее мнение». Власть корнями исходит из этого явления. Она из него черпает силу. Она его выражает. Наполеон как-то сказал (с тех пор эту фразу часто цитируют): «Сила основана на мнении. Что есть власть? Ничего, если у нее нет мнения». Демократия, если подходить к этому формально, представляет собой политическое выражение мнения масс. Кажется простым делом, если умные люди соберутся вместе и превратят мнение, отражающее точку зрения народа, в политическое решение. Кажется логичным и вполне законным, если правительство склоняется перед мнением народа и действует по его указке. Увы! В реальности все не так просто и не так легко. Например, чем дальше, тем больше становится понятно, что голосование не отражает общественного мнения, невозможно четко сформулировать политическую точку зрения во время выборов. Известно также, что это общественное мнение, можно назвать также политической волей народа, очень непостоянно, далеко не всегда обоснованно, колеблется иногда по непонятным причинам. Все знают, что оно иррационально и может возникнуть или распасться ни с того, ни с сего. Никто не считает, как бы ни хотелось свести все к упрощенной схеме, что оно представляет собой обобщенный вариант решения какой-либо политической проблемы, составленный на основе обдуманного решения разумных людей. Электоральное большинство к

общественному мнению также не имеет никакого отношения. Иррациональный характер, присущий формированию общественного мнения, существенно компрометирует идею его господства при демократии⁸: так как она исходит из того, что человек — существо разумное, что он в состоянии сформулировать свой интерес, позицию и цели, а на самом деле пристальное изучение общественного мнения заставляет в этом усомниться. Человек, участвующий в формировании общественного мнения, естественно, обладает психологией массы, а значит, не способен надлежащим образом исполнять свои гражданские функции.

Отмеченные особенности приводят нас вот к такому выводу: с одной стороны правительство при управлении государством испытывает давление масс и вынуждено прислушиваться к общественному мнению, а с другой стороны нельзя назвать демократическим процесс формирования общественного мнения. Власть должна держать руку на пульсе общественного мнения⁹, сейчас иначе нельзя. У современного государства есть много способов быть в курсе: изучение прессы, опросы населения, письма читателей, парламентская почта, синдикаты, партии, референдумы и многое другое для пристального изучения царящих в народе точек зрения по разным аспектам общественной жизни. Но остается фундаментальный вопрос: а должно ли в самом деле государство подчиняться, исполнять или хотя бы прислушиваться к гласу народа? Наш ответ будет радикальным: ни в коем случае, даже в демократическом государстве! С одной стороны, непредсказуемость и непостоянство общественного мнения, с другой — новые формы политической активности делают излишним подобное повиновение. Слишком оно переменчиво. В 1956 г. был такой случай: некое правительство задумало реформу. Проведенное исследование общественного мнения обнаружило положительное к ней отношение, правительство провело реформу, тут же общественное мнение развернулось в противоположенную сторону и обернулось против правительства. Власть никогда не должна на него рассчитывать. Если принять во внимание быстроту, с которой оно может измениться, логично было бы предположить, что и политика должна была бы меняться так же быстро, а если учесть, что мнение формируется спонтанно и не всегда продиктована голосом разума, то можно представить, какую опасность могла бы таить в себе иррациональная политика. Не стоит сбрасывать со счетов, что общественное мнение — «мнение некомпетентных»¹⁰, однако, не хотелось бы, чтобы политика основывалась на некомпетентных оценках.

Квази-неспособность подчиняться общественному мнению сопровождается новыми формами политики, позволяющими властям и вовсе обойти его стороной: в частности, технические проекты. С каждым годом государственная власть все чаще нужна для решения технических и технологических задач. Для реализации предприятий, которые требуют миллиарды вложений и делятся годами, общественное мнение не нужно ни в начале, так как оно еще не может быть сформировано по этому вопросу, ни потом, так как стоит приступить к реализации очередного сложного технического проекта, как уже нет возможности его отменить. Когда решается политический вопрос о разработке нефтяных месторождений в Сахаре или утверждается план по электрификации, кого интересует общественное мнение по этому вопросу? То же наблюдаем, если определяется список по национализации предприятий (даже на фоне внешнего сопротивления от лица социалистов!). В большинстве случаев стратегические решения без учета общественного мнения касаются вопросов, связанных с новой политической проблематикой: этим проблемам не соответствуют никакие шаблонные стереотипы, существующие к этому

моменту в общественном сознании. Поэтому-то и нельзя ожидать быстрого ответа со стороны взволнованной общественности на новые вызовы современности: политическое решение нельзя откладывать и дожидаться, пока выкристаллизовывается позиция общества, пока интуитивно складываются новые мифы и окончательно формируется точка зрения народа. Решение властей в современном политическом мире опережает реакцию общественности. Даже если она уже сформирована, всем известно, насколько может оказаться катастрофической попытка ей следовать. Довольно обстоятельные исследования последнего времени показали, насколько разрушительными могут быть последствия, если во внешней политике подчиняться воле народа. Он не способен разрешить противоречия между моральными принципами и интересами государства с целью разработать внешнеполитический курс на долгие времена. По этой причине государство сталкивается с разрушительными последствиями во взаимоотношениях с миром: например, политика Рузвельта по отношению к СССР, политика Джонсона с его постоянными угрозами «нажать на кнопку» и т.д.¹¹ Общественное мнение представляет угрозу для внешней политики еще и потому, что наиболее решительно проявляется в период кризисов. Обычно общество в целом не слишком интересуется внешней политикой, не находя в ней ничего важного на фоне своих повседневных забот, мнения людей по ключевым проблемам современности часто противоречивы, отсюда — возможность для правительств вести отношения с другими странами в том ключе, в котором ему удобно. Но бывает так, что по разным причинам население вдруг возбуждается относительно какой-либо острой темы, температура в обществе накаляется, люди находят точки соприкосновения и формируется общая позиция (например, во время недавнего решения о перевооружении Германии). Нужно ли в такой ситуации обращать на это внимание? Следует учесть, что позиция эта, хоть и ярко выражена, но спонтанна, касается отдельных людей в отдельных странах, не учитывает предшествующих договоренностей на высшем уровне и грозит их разрушением. Но постольку, поскольку она носит фрагментарный и дискретный характер, лучшим решением будет не обращать на нее внимания¹².

Таким образом, мы приходим к выводу, что даже в демократических странах, где у власти честное по отношению к своему электорату, уважаемое и добропорядочное правительство, общественное мнение не играет никакой роли в политических вопросах. Тем не менее, власть, как бы она к этому не стремилась, не может его полностью игнорировать. Мы уже говорили о политических интересах массового общества и о его взаимоотношениях с властными структурами. Как быть?

Есть лишь одно решение: раз уж власть не может прислушиваться к мнению общества, значит оно, общественное мнение, должно прислушиваться к решениям политической власти. Нужно убедить народ, самостоятельный и нетерпимый к несправедливости, представляющий Массу, что решения, принимаемые правительством по техническим проблемам, правильны и обоснованы, что внешняя политика отвечает интересам нации. Именно вследствие демократического принципа, подразумевающего возможность для народа в обязательном порядке высказывать свое мнение, власть не может закрывать на него глаза, и, если исходить из реальности, а не погружаться в идеологические рассуждения, власть должна сдерживать его и направлять в нужное русло. Иного способа решить вопрос не существует. Разумеется, для того и существуют политические партии, чтобы адаптировать народное мнение к потребностям государственной власти. Всем

известно, и многочисленные социологические исследования этот факт подтверждают, что избиратели, а часто и члены партии, не знакомы со стратегией и программой своей партии (часто доктрина не просто не учитывает общественное мнение, но даже находится с ним в противоречии), что вступление в члены партии далеко не всегда происходит по чисто идеологическим основаниям. Партии со своей стороны с общественным мнением обращаются по своему усмотрению, поляризуя точки зрения, если нужно выстроить оппозицию, что никак не согласуется со спонтанным волеизъявлением народа; они его деформируют, мешают сформироваться в своей логике, так как включают только часть вопросов, преимущественно политических. Помимо партийной практики, которая сама по себе уже является пропагандистской деятельностью, нельзя не обратить внимание на государственную политику в отношении своего народа.

Прежде всего имеется в виду святая обязанность государства информировать граждан о том, чем оно занимается¹³, объяснять ему свои действия, комментировать решения, которые оно принимает в ответ на возникшие проблемы; все это – законно и не вызывает сомнений в правильности, но как можно остаться в рамках объективного, но холодного информирования, если сама по себе информация — уже пропаганда, как иначе ответить на пропагандистские действия со стороны противников? Простая задача по информированию общества неизбежно сводится к пропаганде под благовидным предлогом повышения эффективности, ведь государство обязано отстаивать интересы граждан, равно как и оправдывать свою политику, перед крупными фирмами. Известно, что частные предприятия и группы давления, защищая свои собственные частные интересы, прибегают к психологическому воздействию. Разумно ли государству оставаться в стороне, не обращая внимания на эти акции? Разве можно обычное оповещение граждан о событиях современности противопоставить современным техникам пропаганды? Государство обязано реагировать, а как — ответной пропагандой!¹⁴ Проблема обострилась в 1954 г. во время расследования, проводимого в армии в связи с распространением брошюр и демонстрацией фильмов, агитирующих в пользу С.Е.Д. (ЕОС — Европейское Оборонительное Сообщество, проект от 1952 г. предусматривал объединение 6 европейских государств, но так и не был ратифицирован, т.к. Франция боялась утраты суверенитета). С тех пор, как солдат стал избирателем, на него со всех сторон обрушилась пропаганда (здесь, безусловно, пропаганда работала против С.Е.Д.) И в то же время он был вовлечен в группу давления, и в какую группу! Армия по определению представляет собой монолитный коллектив со строгими правилами субординации. Можно ли было оставить без внимания факт, когда сменявшие друг друга правительства разными методами, в том числе и психологическими, стремились внести разногласия в эту группу? Можно ли было запретить властям делать то, что позволяют себе делать и говорить другие группы? Но как требовать от современного государства спокойно относиться к тому, что внутри него действуют противоборствующие силы? Г-н Рене Плевэн в 1954 году высказался по этому поводу так: «Нельзя допустить пропаганды ни в том, ни в другом направлении», что чисто теоретически и с моральной точки зрения вполне обоснованно, но практически абсолютно нереально. Кстати, позже он уточнил, что пропаганда в обоих направлениях касается самой простой информации, т. е. между этими двумя реальностями дистанция не такого уж большого размера, только то, что делает мой противник, — это пропаганда, а то, что исходит от моей партии — это информирование¹⁵.

Но демократия подразумевает еще кое-что важное: нужно сделать так, чтобы государственные решения были както связаны с волей народа. Вот тут-то и выступает на первый план пропаганда. Нужно внушить гражданам ощущение (они его ждут, оно принесет им удовлетворение), что «они именно этого и хотели от власти, что и они несут ответственность за эти решения», чтобы они защищали принятые решения и способствовали их успеху: проще говоря, дать им почувствовать, что они «в деле» (Лео Хамон¹⁶). Г-н Хамон считает, что основную роль в этом должны играть партии, синдикаты, лиги. Но этого недостаточно. Нужно придумать такую форму взаимодействия народа и власти, чтобы люди искренне верили, что действия властей напрямую зависят от них. Американский ученый Брэдфорд Вестерфилд¹⁷ писал об этом так: «Президентская администрация практически всегда самостоятельно определяет политику во взаимоотношениях с зарубежными странами (в США), но, если дело касается вопросов, по которым у определенной части американского населения возникает интерес, не может вести ее в полной мере, иначе как с ощутимой поддержкой со стороны существенного большинства этого населения». Он добавляет, что иногда приходится идти на уступки этой части населения, но «если Президент в состоянии управлять мнением и если эта публика признает в целом удовлетворительным общий результат по внешней политике, то эти уступки невелики и достаточны, чтобы гарантировать необходимое единодушие». Таким образом мы находим подтверждение необходимости для современного государства, пусть даже демократического, использовать пропаганду¹⁸ в работе с населением. Другого выхода нет.

Попробуем провести аналогичный анализ на другом уровне. Только что мы описали дилемму, свойственную всем современным государствам. Речь о том, что начиная с XVIII в демократическом мире появилась, а затем проникла в массы идея о новой легитимности верховной власти. Пройдя сложный путь через множество теорий и идеологем, мы, наконец, пришли к тому, что принято теперь называть теорией народного суверенитета. Верховная власть правомерна тогда, когда исходит из суверенитета народа, когда основана на суверенной народной воле, когда выражает и придает форму народному волеизъявлению. Можно до потери сознания спорить о правомерности такой концепции, о ее теоретических постулатах, об исторических корнях и спрашивать себя, действительно ли Руссо именно это имел в виду. Но факт остается фактом, довольно абстрактная философская идея воплотилась в жизнь, утвердилась в сознании современного человека и больше не подлежит сомнению. Для любого западного человека идея народной воли священна, правитель, не признающий ее суверенитет, гнусный злодей и склонный к диктатуре узурпатор. Каждый раз, когда народ высказывает свою волю, правителю следует ее исполнять. У верховной власти нет другого источника законности. Вот так примерно выглядит фундаментальный образ власти, представляющий собой ни что иное, как коллективное заблуждение, в большей части построенное на вере в очевидное, чем на доктрине и рациональных постулатах. Это убеждение в наше время распространяется с удивительной быстротой. Теперь мы находим непоколебимую уверенность в верховенстве народной воли в коммунистических странах и замечаем проникновения подобных настроений в исламский мир, который испокон века был далек от подобных мыслей. Похоже, контагиозность такой философии не знает границ.

Верно также и обратное: власть не чувствует себя в достаточной степени легитимной, не ощущает себя действительной властью, если не опирается на народную волю, если не может наглядно продемонстрировать, как она это делает. Правительство, которое не уделяет достаточно внимания верованию в силу народной воли, неминуемо будет свергнуто. Руководствуясь мистической верой в народный суверенитет, любой диктатор во все времена стремился доказать, что он и есть воплощение этого суверенитета. Долгое время считалось, что теория о суверенитете народа связана с демократией. Однако не следует забывать, что когда эта доктрина впервые применилась на практике, случилась самая страшная диктатура в истории: Якобинская. Поэтому не стоит громко возмущаться, когда кто-либо из современных диктаторов ссылается на волю народа. Как бы то ни было, этот культ столь силен, что любая власть должна ему следовать и делать вид, что верит в него. Отсюда вытекает необходимость для каждого авторитарного правителя утвердиться во власти путем плебисцита. Гитлер, Сталин, Тито, Муссолини, все они смогли доказать, что пришли к власти по воле народа. Аналогичным образом поступили Гомулка и Ракоши, причем им удалось получить потрясающие результаты: цифры проголосовавших в их пользу колебались от 99,1% до 99,9%. Разумеется, речь шла о подложных результатах (включая Гомулку), о фальшивом представлении, но не менее очевидно, что без этого нельзя было обойтись. Время от времени нужно повторять церемонию выборов, чтобы убедиться в том, что легитимность власти никуда не исчезла, что народ по-прежнему солидарен со своими избранниками. И народ к этому готов: нет смысла оспаривать тот факт, что избиратели приходят к урнам голосовать и что они голосуют правильно: нет никакой подтасовки, есть признание власти.

В самом деле, что же такое суверенитет народа, если не признание власти. Можно ли в самом деле рассчитывать на то, что конституционная форма управления государством произойдет от народа без предварительной подготовки, без какого-либо влияния? Это предположение просто абсурдно. Реальность состоит в том, что народу предлагают нечто, с чем он соглашается, что он признает. В самом деле, до сих пор нет ни единого случая, чтобы народ это отверг. Плебисцит, как и любой референдум, всегда заканчивается положительно. Вот так власть осуществляет влияние на массы. С помощью пропаганды, обеспечивающей поддержку народа, она гарантирует себе легитимность.

Отсюда следует сделать два вывода: сначала нужно обеспечить эту поддержку, и не только в форме правительства, но и во всех серьезных делах. Есть прекрасная формулировка: «Нет ничего ужасней для народа, чем сознавать, что тобой управляют властители, которые с высоты своего положения кидают вниз готовые решения»¹⁹. Таким образом, следует лучше «информировать» население: «Уже недостаточно, чтобы решения были просто разумными, нужно всем объяснять, почему они были приняты. Чтобы предприятие типа того, которое было создано 28 декабря, работало хорошо, необходимо прилюдно и постоянно разбирать свой мотор, не скрывая слабых мест, не утаивая цену ... А также следует разъяснять смысл необходимых жертв». Эта информация призвана добиться расположения публики и привлечь ее к сотрудничеству., т.е. представляет собой самую настоящую пропаганду. Теперь мы уже привыкли к тому, что власть действует именно так.

А в апреле 1957 года советский народ заставили изучать и обсуждать речь Хрущева о реорганизации экономики страны Советов. Нас сделали свидетелями прекрасно

организованной операции. Главный смысл ее заключался в том, что народ сам принял это решение. Мог ли народ после этого не поддержать реформы? Разве он мог не высказать полную поддержку тому, что сам и разработал. Разумеется, все разъяснялось специалистами из Агитпропа в первичных организациях Партии, в комсомольских организациях, в профсоюзах, в местных отделениях советской власти, на заводах и фабриках и т.д. Они представляли и объясняли народу все пункты экономической реформы, потом народ их обсуждал. На страницах газеты «Правда» появлялись колонки, где многочисленные граждане страны Советов делились впечатлениями, высказывали свою точку зрения, предлагали поправки. Что же случилось потом, когда обсуждение завершилось? Именно в рамках экономической реформы, что же произошло в 1958 г. с поправками, к примеру, к пенсионному законодательству: после широкомасштабной кампании по обсуждению проекта реформ Верховный Совет единодушно одобрил итоговый документ, не внося ни единого исправления. Даже те, что были внесены депутатами, а уж тем более те, что предлагали простые граждане, были отвергнуты в связи с тем, что представляли собой всего лишь личную точку зрения отдельных индивидуумов: с демократических позиций ими можно было пренебречь. Зато народ испытал огромное удовлетворение, так как почувствовал, что его мнение выслушали и дали ему возможность подискутировать на эту тему²⁰. Это — видимость демократии, без которой ни одно авторитарное правительство сейчас уже не обходится.

Более того, это предоставляет власти новый метод взаимодействия с массами, логически вытекающий из принципа народной демократии, реализация которого невозможна без пропаганды: отныне любое правительство функционирует посредством масс по двум причинам.

Во-первых, чтобы оправдать свою политику верховная власть все чаще прибегает к помощи масс. Как только какое-либо предстоящее решение кажется спорным, если вдруг возникают сомнения, что оно будет принято беспрепятственно, пропаганда обращается к массам и приводит их в движение. Этого волнения среди масс бывает достаточно, чтобы доказать его обоснованность. Это — как бы продолжение плебисцита. Когда в результате государственного переворота под руководством полиции в Чехословакии установилась народная демократия, тут же были спланированы, подогреты и соответствующим образом организованы чудовищные митинги из представителей рабочего класса, чтобы продемонстрировать полное согласие народа с происходящими событиями. Когда Фидель Кастро, используя демократические настроения, устанавливал свою власть, он учредил День Справедливости, призвав весь народ осудить прежний режим и подтвердить свою решимость массовыми демонстрациями: иначе говоря, народное движение должно было оправдать решения государственного трибунала в отношении бывших правителей, придать им своего рода демократические гарантии. Таким образом Кастро укрепил приверженность народа, удовлетворив жажду мести к прежней власти и дав почувствовать вкус крови. Он связал власть с народом еще более сильной зависимостью: привлек к ритуальному убийству. С тех пор этот день, День Справедливости (21 января 1959г.) можно считать еще одной ценной находкой для пропаганды. Пусть даже за пределами страны к этому событию отнеслись с небольшим смущением, зато внутри оно вызвало всплеск энтузиазма. Понятно, что подобного рода народное ликование всегда призвано подтвердить деяния власти. Оно, разумеется, возникает не случайно и вовсе не свидетельствует об одобрении со стороны

масс: оно представляет собой возглас толпы, вылетающий из миллиона ртов, подтверждающий победу пропаганды.

Во-вторых, пропаганда, исходящая от властных структур, тонко и ненавязчиво предлагает общественному мнению такое решение, которое никак не могло бы быть им, народом, сформулировано ясно и недвусмысленно, но, облаченное благодаря усилиям пропаганды в соответствующую форму, выглядит как воля народа; и действующая власть, делая вид, что подчиняется народному волеизъявлению, на самом деле заранее внушает его общественному мнению. То есть надо стараться делать так, чтобы народ потребовал от правительства то, что само правительство намеревается предпринять. Если ему это удастся, то оно больше не авторитарная власть, а лишь верный исполнитель воли народа, она, власть, просто не могла поступить иначе, раз воля народа этого требует. Так немецкий народ потребовал освобождения Судетов, и правительство было вынуждено захватить Чехословакию, чтобы повиноваться воле народа. Оно вроде как идет на поводу у общественного мнения, так как с некоторых пор оно стало, и это все благодаря пропаганде, достаточно влиятельным, чтобы подчинить себе государственную власть. День Справедливости, придуманный Кастро, явление того же порядка: его тщательно спланировали, проведя пропагандистскую кампанию на высшем уровне, в результате чего народ «поднялся» и в едином порыве потребовал от правительства акта возмездия. Таким образом удалось не просто получить от народа одобрение проводимой политики, но повернуть дело так, чтобы народ потребовал от правительства уголовного преследования врагов народа, а правительству ничего не оставалось, как следовать воле народа. Но ведь эта воля и была сфабрикована пропагандой. Постоянное движение туда-сюда: от пропагандистского влияния на массы — к выражению воли народа (как бы спонтанной, как бы исходящей от низов), в ответ на это — отеческая забота со стороны демократического правительства как бы идущего навстречу требованиям народа, исполняющего его волю — вот так создается образ, в лучшем виде отражающий отношения «Народ-Власть». Эта система воплотилась в жизнь в Советском Союзе, и г-н Хрущев не предпринял никаких усилий по ее либерализации, напротив, он ее укрепил. Впрочем, исходя из принципа народного суверенитета, это нужно было предвидеть. Не стоит рассматривать пропаганду как явление необоснованное или ошибочное.

Власть и ее функции

Наконец, стоит рассмотреть ситуацию с точки зрения Государства, имея в виду следующее: противоречие, в котором оказалась Демократия, и противостояние между национальными ценностями и гражданскими добродетелями. Легко понять, зачем нужна пропаганда авторитарной власти. Вот почему позволим себе выдвинуть предположение наиболее, на наш взгляд, приятное для власти, которая считает себя демократической: она испытывает искреннее негодование по поводу использования пропаганды в политике. Иначе говоря, речь пойдет о том самом правительстве, которое вынуждено к ней прибегнуть в ответ на вызов, возникший перед ним. Начиная с Гитлера, демократия без конца подвергается психологическим атакам. Нельзя забывать, что холодная война, проводимая СССР, есть ни что иное, как продолжение войны с Гитлером. В прямом смысле слова стоит вопрос: кто победит в этой войне, так как оба режима считают себя универсальным и сдаваться не

собираются. Поле противостояния многогранно: каждый из противников готов сражаться до победного конца. Коммунистический режим, обещая построить счастье своим народам, должен сломить конкурента, чтобы установить свой строй повсюду. И это — нормально. Но и западные демократии стремятся к тому же, полагая, что коммунизм — это ужасная диктатура. Что же делать? Нужно вторгнуться на соседскую территорию, что непросто, но западные страны делают это с помощью пропаганды, а коммунистический режим — с помощью Коммунистических партий. Поэтому Западу приходится вести внутреннюю пропаганду: чтобы противостоять коммунистическим партиям, т.е. СССР, и чтобы ускорить экономический прогресс. В самом деле, противостояние, о котором идет речь, затрагивает также экономическую сферу. Мы все помним вызов, брошенный западному миру г-ном Хрущевым. В самом деле, ускорение экономического развития предполагает мобилизацию сил внутри западного общества, а это в свою очередь приводит к необходимости вести психологическую работу, постоянный тренинг под лозунгом «Зачем мы это делаем». Это — одно из условий конкуренции.

Ситуация перекинулась и на другой уровень: никто в мире больше не может быть свободным и не участвовать в конкуренции двух Систем. Нам, к сожалению, хорошо известно, что такое мировая солидарность, от которой, впрочем, некоторые получают удовольствие: никто теперь не может оставаться в стороне от битвы Гигантов. Демократия изо всех сил стремится завоевать доверие малых народов, которые иначе попадут в сети коммунистического режима. А для этого существует два взаимодополняющих инструмента: экономика и пропаганда. Во времена классического империализма солдаты экономического фронта, время от времени сопровождаемые настоящими военными подвигами, обеспечивали победу. Сегодня на фоне очередных провалов США оказалось, что экономическое влияние ничего не стоит без поддержки со стороны пропаганды. В 1960 г. Соединенные Штаты оказывали развивающимся странам помощь в три раза больше, чем СССР, но все равно проиграли, а Советский Союз оказался в выигрыше (благодаря пропаганде), представ в виде благодетеля, на которого можно возлагать надежды. Важно завоевать сердца людей, хотя экономическая помощь тоже не помешает (но она сама по себе не оказывает влияния на общественное мнение). Разумеется, пропаганда не способна на многое, если она одна: необходимо сопровождать ее зрелищными акциями в поддержку финансовых вливаний. По всей вероятности, западные страны потому иногда и проигрывают в борьбе за доверие азиатских и африканских народов, что их пропаганда в большей степени рассчитана на внутреннее потребление. Может, зря они мучаются угрызениями совести по поводу использования этого инструмента. Так уж вышло, что демократию пришлось подтолкнуть к пропаганде под страхом окончательного поражения в борьбе двух систем. Психологическая война представляет собой неотъемлемую часть насущных забот политики за мирное существование. Речь о том, как приучить к этой мысли население, чтобы никто не мог остаться в стороне. Мы уже не можем решать, стоит ли нам идти по этому пути. Теперь мы рассуждаем о новых формах агрессии²¹. Прямая военная угроза уступила место косвенной, развернувшейся на экономическом и идеологическом фронтах. Пропаганда в действии направлена на правительства будущих жертв, а они уже не в состоянии действовать без оглядки на общественное мнение. Прежде, чем сдаться на милость победителя, Австрия и Чехословакия попали в руки гитлеровской пропаганды²². В то же время и другие страны, даже не имеющие захватнических планов, постоянно подвергаются той же пропаганде. Чтобы себя защитить, они вынуждены использовать

аналогичные методы психологической войны, так как никакая международная организация, ни юридическая инстанция не может оградить их от этой агрессии. Что такое психологическое воздействие — оно изменчиво, проявляется по-разному, его невозможно точно идентифицировать и тем более описать в юридических терминах. А если выстраивать правовую защиту против психологической атаки, не означает ли это, что мы отрицаем свободу мнения и право на самовыражение, формально гарантируемые Декларацией по Правам Человека? Таким образом, проблема встает исключительно на уровне конкретных фактов. Получается, что каждое государство обязано взять на себя труд защищаться от любого проявления агрессивной пропаганды со стороны другого государства. Но если хоть одна из стран встанет на этот путь, придется и другим постепенно присоединиться к процессу или позволить разрушить себя силам извне²³.

Но есть такие демократии, которые плохо организованы или недостаточно хорошо вооружены, чтобы вести успешную психологическую войну. Нашлись и во Франции специалисты, утверждавшие: «Только армия в состоянии вести психологическую войну, так как ее структуры к этому приспособлены». И вот еще, что важно: признавая необходимость пропаганды для демократических стран, приходится согласиться также и с тем, что «в мире, где холодная война разворачивается исключительно на идеологическом фронте, гражданская политическая мысль должна научиться решать стратегические задачи»²⁴. «Речь о том, что пора убрать дихотомию между политическими и военными целями и официально признать за армией политические цели в том числе». В этом — причина того, что демократия, исходя из принципа необходимости в пропаганде, должна изменить свою структуру. Добавим, что психологическая война заключается не только в том, что действия направлены против неприятеля, стремящегося напасть, вторгнуться в пределы. Нужно также, чтобы «тылы устояли», нужно психологически вооружить нацию, защитить ее. И здесь тоже возникает необходимость в пропаганде. Может быть, здесь она даже нужнее, так как идеологическая структура нации более хрупко организована.

И здесь мы сталкиваемся с новой проблемой: в современном обществе, в большей степени, чем в прошлом, нация может выжить при условии, что имеет крепкую национальную идею и умеет защищать свои ценности, если сограждане осознают свою гражданскую честь и в едином порыве готовы встать на ее защиту. Однако, мы вынуждены признать, что во многих западных демократиях сегодня на наших глазах разворачивается кризис традиционных ценностей и ослабление национальных связей. Государство в такой ситуации должно заняться психологической и идеологической реконструкцией нации. И в этом — еще одно подтверждение необходимости психологической работы с населением. И на этом уровне нет сомнений в том, что психологическая обработка оправдана. Никто и не отрицает ее необходимость до тех пор, «пока речь идет о моральной подготовке солдат и о распространении правды». Возражения начинаются тогда, когда начинают давить на мозги. Возмущение по поводу «промывания мозгов» конечно заслуживают уважения. Но те, кто возмущаются громче всех, сильно заблуждаются, так как не учитывают два фактора, которые хоть и разнятся в духовном отношении, но на самом деле представляют одно и то же. Но как можно перестроить гражданскую совесть всей нации (и достаточно быстро, чтобы получить результат), не оказывая давление на мозги, не ломая то, что представляет собой с точки зрения национального интереса, с военной точки зрения, с точки зрения эффективности величайшее заблуждение, — но что может быть совершенно законно с

другой точки зрения? Как только возникала необходимость перестройки национальной идеологии, необходимо согласиться с тем, что придется воспользоваться методами, характерными для пропаганды в хорошем смысле этого слова, имея в виду, что благородная цель оправдывает средства ее достижения:

... мы далеки от мысли предлагать Психологическое Воздействие (П.В.) как метод работы с людьми ради того, чтобы закабалить сознание и подчинить волю, военные видят в этом способ сохранить свободу и человеческое достоинство... Они думают, что речь идет лишь о том, чтобы проверить, сможет ли человек, считающий себя свободной личностью, поддаться какой-то доктрине и позволить, чтобы из него сделали управляемую машину, простую материальную единицу... Согласившись с тем, что стоит потратить силы на то, чтобы сохранить в человеке свободу выбора, что составляет его главное достояние, они пришли к логическому выводу о том, что основной мишенью противника в этом вероятном противостоянии является — здравый смысл (синонимы — ум, рассудок, дух), а если точнее — одна из важнейших его функций — воля... . Психологическое воздействие применяется с единственной целью — вооружить человека необходимым и действенным орудием, чтобы он сохранил свободу духа, человеческое достоинство и умение здраво размышлять там, где они еще осталось. Ради этой благородной цели достаточно прийти на помощь здравому смыслу, так как именно сюда направлена основная атака противника. Нужно объяснить человеку, в чем его миссия, предназначение, цель, а потом — научить, как этого достичь²⁵...

Вот так в одной из основополагающих гипотез объясняются цели и задачи психологического воздействия наилучшим, с нашей точки зрения, образом. Следует признать эти аргументы, так как они вполне соответствуют тому, что чувствуют по этому поводу большинство гуманистов. В соответствии с вышеназванными целями психологическое воздействие стоит рассматривать как своего рода Образовательный курс для Нации. Во Временной Инструкции по применению психологического воздействия в Bourgès-Maunoury (1957 г.) указано, что «оно применяется с целью привить, развить и поддержать на должном уровне нравственные устои личного состава, чтобы сформировать устойчивость к психологическим атакам со стороны противника». Это — в случае войны. Основная среда для применения психологического воздействия — армия, разумеется. Солдаты должны «сохранить собственную внутреннюю силу духа». Речь, таким образом, идет о:

... гражданском образовании и нравственном воспитании, утвержденными по содержанию и по форме с командованием, что подразумевает объективное информирование, в отличие от пропаганды, с целью укрепить моральный дух гражданина свободной демократической страны... Используемые методы отвечают принципам активной педагогики и основаны на человеческих взаимоотношениях, основной характеристикой которых является сотрудничество с индивидуумом, на которого обращено пс.в., и заключающееся в том, чтобы разъяснить ему разнообразные аспекты изучаемых вопросов.

Таким образом, всегда нужно иметь в виду, что контингент нуждается в гражданском образовании. Следует постоянно этим заниматься, чтобы солдаты знали, в чем смысл цивилизационных ценностей, каковы реалии гражданского общества. Эта проблема, отметим это особо, касается не только Франции. В Германии сейчас наблюдается похожая

обеспокоенность. Вполне понятно, что воспитательная и образовательная деятельность в армии касается не только действующего контингента. Было бы гораздо проще, если бы в армию попадали молодые люди уже имеющие хорошее образование. С другой стороны, если бы только армия была воспитана в духе цивилизационных ценностей, она бы почувствовала себя в одиночестве. Поэтому ради того, чтобы достичь поставленной цели, следует развернуть эту деятельность во всем теле нации. Армия в этом случае готова себя предложить в качестве примера и даже заняться воспитательной работой. Мы видим, что психологическая деятельность как элемент внутренней государственной политики сейчас востребована повсюду и рассматривается как общенациональная задача. Примерная техническая Инструкция по применению психологического воздействия (1957 г.) прямо указывает, что бездействие властей перед лицом подрывной деятельности губительно для Нации, повышает риск ее распада; отсутствие гражданского воспитания ведет к возникновению антипатриотических настроений среди молодого поколения, к распространению нигилизма и социального эгоизма.

Таким образом, вполне понятны справедливая озабоченность, благие намерения и серьезные цели, стоящие перед психологическим воздействием на общество. Но мы, однако, обязаны спросить себя, не строим ли мы иллюзий в отношении необходимого строго разграничения между психологическим воздействием на общество и пропагандой, между методами, к которым прибегает наш противник, и нашими собственными²⁶. Если присмотреться, что мы имеем: массу, состоящую из индивидуумов, которых надо обучить, воспитать, привить им некие социальные рефлексии национального характера, необходимо также составить шкалу ценностей, относительно которой индивидуум будет судить обо всем. Если бы мы располагали временем, если бы у нас было достаточно педагогических кадров с соответствующей профессиональной подготовкой, если бы у нас были учебные заведения нужного профиля и много денег, если бы Франция не была вовлечена ни в какие региональные конфликты и не участвовала бы в конкурентной борьбе с другими странами — возможно, нам бы постепенно удалось, соблюдая уважение к правам и свободам личности, исходя из одного только информирования воспитать добропорядочного гражданина. Но ни одно из этих условий неисполнимо. Нужно все сделать быстро, воздействуя на массу в целом и испытывая кадровый дефицит, в таких условиях возможно лишь одно: использовать надежный способ и проверенные эффективные методы пропаганды. В конкуренции пропаганд — только пропаганда поможет быстро получить результат.

Иначе говоря, эффект воздействия на человека нашей пропаганды в точности повторяет эффект воздействия пропаганды нашего противника (мы имеем в виду именно влияние на личность, мы не говорим об их идентичности с точки зрения политических целей или национального интереса). Что касается эффектов — мы приступим к их анализу позже. Ни в коем случае не следует думать, что мы действуем исключительно ради того, чтобы сберечь духовную сущность человека, так как любая пропаганда, кто бы ни был ее автором, всегда разрушает человека, ломает его свободную личность. Если бы только можно было сказать: «Это надо сделать только для того, чтобы победить противника, а для этого все средства хороши», нам бы нечего было возразить. Но ведь для этого придется признать, что Демократия, хочет она этого или нет, тоже вовлечена в такое грязное дело, как Пропаганда. Иллюзия, когда мы утверждаем, что используем средства психологического воздействия, сохраняя демократические ценности и соблюдая уважение к человеческой личности,

конечно простительнее, чем цинизм, зато он позволяет посмотреть правде в глаза. Кстати, если условия, о которых мы упомянули выше, были бы соблюдены, где уверенность в том, что мы остались бы за рамками пропаганды?

В следующем томе будут подробно рассмотрены отношения между Информацией, Образованием, Человеческими Отношениями и Пропагандой, и тогда мы увидим, что в действительности между этими понятиями практически нет никакой разницы. Политически ориентированная система образования создает избранные ценности, а что это — если не пропаганда. Само понятие «избранные ценности» заставляет нас сделать последнее умозаключение. С помощью психологического воздействия следует воссоздать национальную идею и ценности и бороться с антипатриотизмом и с прочим злом. Но это же предполагает, что одни ценности мы выбираем, а от других — отказываемся. Среди этих, отвергнутых ценностей Интернационализм, например, а также Анархизм, Пацифизм. Предполагается, что национальные ценности, что само собой разумеется, не нуждаются ни в каких доказательствах. Планируется, что это станет делом системы образования, так как понятно, что они — единственные, которые следует вкладывать в молодое поколение. Но это не так. Ведь есть же еще некоторые ценности, которые надо прививать и хотелось бы, чтобы они стали достоянием всей нации, но есть также и те, от которых надо отречься во что бы то ни стало: но это уже дело пропаганды, пусть разные методики будут задействованы в этом процессе, но суть остается прежней (мы это доказали).

На основании всего вышесказанного можно прийти к однозначному выводу: современное государство, какая идеология ни была бы там главенствующей: либеральная, демократическая или любая гуманистическая, в ситуации сегодняшнего дня, как объективно доказывают социологические исследования, не может обойтись без пропаганды в качестве инструмента управления обществом. Куда ни глянь, повсюду маячит ее лицо.

Версия #1

Зверобой создал 20 января 2026 00:45:19

Зверобой обновил 20 января 2026 00:45:34